

Я
назвал
его
Галстукoм

Милена

Митико

Флашар

Я назвал его
Галстуком

Посвящается Крису

...Ты был будто отторгнут из этого мира,
красивого и, наверное, полного смыслов,
тебя будто вытолкали из его природного совершенства,
как одиноко в твоей пустоте,
как глухо в этой огромной тишине...

Макс Фриш. Ответ из тишины

1

Я назвал его Галстуком.

Ему нравилось это прозвище. Оно его забавляло.

Красно-серые полосы на его груди. Именно таким я хочу его запомнить.

2

Прошло семь недель с тех пор, как я видел его в последний раз. За эти семь недель пожелтела и пожухла трава. Цикады стрекочут в деревьях. Галька хрустит под ногами. Непривычно пустынный парк в ярком полуденном свете. Поникшие цветы на ветках устало клонятся к земле. Бледно-голубой носовой платок застрял в кустах, и нет ни малейшего дуновения ветерка, чтобы его пошевелить. Тяжелый воздух давит на землю. И я подавлен. Я простился с тем, кто больше не вернется. Со вчерашнего дня я знаю это. Он больше не придет. Надо

мною простирается небо, которое — навсегда? — впитало его в себя.

Я все еще не могу поверить, что мы попрощались навсегда. В моем представлении он может появиться в любое мгновение — может, как другой человек, может, с другим лицом, бросит на меня взгляд, говорящий: я здесь. Головой на север, улыбаясь вслед облакам. Он бы мог. Поэтому я здесь сижу.

3

Я сижу на нашей скамейке. До того, как она стала нашей, она была моей.

Я пришел сюда, чтобы убедиться, что трещина в стене, эта едва заметная трещина за полками, реальна не только внешне, но и внутренне. Целых два года я провел, глядя на нее. Целых два года в моей комнате в родительском доме. Я мог провести ее ломаную линию с закрытыми глазами. Она засела в моей голове и пошла дальше — в сердце и вены. Я и сам — бескровная трещина. Моя кожа мертвецки бледна, потому что давно не видела солнца. Иногда я тосковал по его лучам. Я представлял себе, каково было бы выйти на улицу и наконец понять: есть пространства, из которых не выбраться.

Холодным февральским утром я поддался этой тяге. Сквозь щель в занавесках я разглядел стаю ворон. Они взлетали и опускались, солнце играло

на их крыльях и слепило меня. С резкой болью в глазах я нащупал путь вдоль стены своей комнаты к двери, распахнул ее, надел пальто и ботинки, тесноватые мне, вышел на улицу и двинулся дальше мимо домов и площадей. Несмотря на холод, по лбу катились капли пота, отчего я почувствовал странное удовлетворение: я все еще умею. Я умею переставлять ноги. Я не разучился. Все стремления потерять этот навык были напрасны.

Я не пытался себя обмануть. Мне по-прежнему хотелось уединения. Я никого не хотел встретить. Встретить кого-то — значит связать себя с ним. Протянуть невидимую нить. Между человеком и человеком. Воздух прошит прозрачными нитями. Встретить кого-то — значит стать частью его паутины, а этого следует избегать.

4

Я будто на первой тюремной прогулке. Потому что именно так, должно быть, чувствует себя заключенный, который носит с собой свой зарешеченный взгляд, точно зная, что несвободен. И когда я вспоминаю тот первый выход наружу, я кажусь себе персонажем черно-белого фильма посреди цветных декораций. Вокруг кричали краски. Желтые такси, красные почтовые ящики, синие рекламные щиты. Их громкость оглушала меня.

Здрав повыше воротник, я сворачивал за углы, стараясь ни на кого не наткнуться. Меня пугала

возможность задеть мимоходом штаниной полу чужого пальто. Я прижал руки к телу и шел, шел, шел, не глядя по сторонам. Страшнее всего была мысль, что в один случайный миг чей-то взгляд сцепится с моим. На секунду они задержатся друг на друге. Эта мысль вызвала у меня тошноту. Я был ее сосудом. Полным до краев. Чем дальше я шел, тем сильнее ощущал тяжесть своего тела. Дымящегося тела среди многих таких же. Кто-то толкнул меня. Я не мог больше сдерживать рвоту. Зажав ладонью рот, я забежал в парк, и меня стошнило.

5

Я знал этот парк, и скамейку под кедром я знал. Далекое детство. Мама подзывает меня рукой, усаживает к себе на колени и, подняв указательный палец, показывает мне мир: «Смотри, воробей! Он чирикает». Ее дыхание на моих щеках. Мурашки в затылке. Волосы матери мягко колышутся. Мир такой дружелюбный, когда ты маленький, настолько маленький, что думаешь, что так будет всегда. Эта мысль промелькнула у меня, когда я снова увидел ее — скамейку моего детства. На ней я должен был усвоить, что все меняется и что, несмотря на это, стоит жить. Я до сих пор усваиваю этот урок.

Как сказал бы Галстук: «Это было решением».

Я и впрямь решил пройти по газону к скамейке и остановиться. Я стоял один, окутанный тишиной.